

КАНТ И НОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: О БАЛАНСЕ МЕЖДУ ДОЛГОМ И УТИЛИТАРНЫМИ ЦЕЛЯМИ

А.С. Зильбер¹

Представлен анализ соотношения философии Канта с «философией баланса», которая описана в докладе «Come On! Капитализм, недальновидность, население и разрушение планеты», прочитанном в 2018 г. для Римского клуба. Авторы доклада относят Канта к философам европейского Просвещения, которое заложило не только основы современного мира, но и источники глобальных проблем. Философию Просвещения в докладе характеризуют как однобокий рационализм — философию исключения всего, что не обладает желательными свойствами. Взамен авторы предлагают философию баланса, которая описана в нескольких пунктах как баланс между конфликтующими ценностями. Общая рамочная проблема философии баланса — это сдерживание эгоизма, поэтому сначала я обращаюсь к соотношению между долгом и человеческими склонностями в этике Канта. Затем я показываю, что тематика политических прогнозов и рекомендаций, которые Кант предлагает и предписывает в своей философии истории, а также в своих рассуждениях о политике, праве и справедливости, по сути, сводится к трем пунктам философии баланса: это баланс между развитием и справедливостью (кантовский республиканизм), между скоростью и стабильностью развития (внешняя политика, кантовский мирный проект), между краткосрочной и долгосрочной перспективой (политика реформ). Далее я затрагиваю вопрос о проблемах практического воплощения кантовских принципов в политике с учетом опыта рецепции Канта в современных теориях социальных конфликтов, теории коммуникации Ю. Хабермаса и теории справедливости Дж. Ролза. Общий вывод состоит в том, что фило-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 28.01.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-3

KANT AND THE NEW ENLIGHTENMENT: ON THE BALANCE BETWEEN DUTY AND UTILITARIAN ENDS

A.S. Zilber¹

The relation between Kant's philosophy and the "philosophy of balance" as it is described in the report "Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet, delivered to the Club of Rome in 2018, requires some analysis. The authors of the report consider Kant to be a philosopher of European Enlightenment which laid the foundations of the modern world, but also proved to be the source of global problems. The report characterises the philosophy of the Enlightenment as lop-sided rationalism which dismisses everything that does not possess desirable properties. In exchange, the authors offer a philosophy of balance, described in several points as the balance between conflicting values. The overarching problem of the philosophy of balance is the restraining of egoism. For this reason I first examine the relationship between duty and human inclinations in Kant's ethics. I then demonstrate that the topic of political forecasts and the recommendations which Kant prescribes both in his philosophy of history and in his reflections on politics, right and justice, essentially boils down to three points of the philosophy of balance: the balance between development and justice (Kantian republicanism), between the speed and stability of development (external policy, the Kantian peace project), and between the short-term and long-term perspectives (reform policy). I then touch upon the problem of the implementation of Kantian principles in politics in the light of the reception of Kant in the modern theories of social conflicts, the communication theory of J. Habermas and the justice theory of J. Rawls. The

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU). 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 28.01.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-3

софия Канта не является философией исключения, капиталистических ценностей и утилитаризма и не предоставляет для них идейную основу.

Ключевые слова: эгоизм, социальность, баланс, Римский клуб, публичность, предварительность, конфликт, планирование перспективы

В докладе для Римского клуба 2018 г. (далее — Доклад) Эрнст фон Вайцзеккер и Андерс Вийкман (с соавторами) представили тезисы о необходимости «нового Просвещения», в основу которого следует положить идею поиска и установления экологического и социально-экономического баланса в развитии человечества (Weizsäcker, Wijkman, 2018, p. 95–96). Баланс должен служить решению проблем современного общества, которые, согласно авторам, происходят от преобладания рационализма (в широком смысле), берущего начало в философии эпохи Просвещения. Ведущие цели интеллектуалов эпохи Просвещения (от Эразма до Канта и Адама Смита), согласно Докладу, — свобода мысли и действия, свобода научного поиска и предпринимательства (*Ibid.*, p. 92–93). Воплощение этой свободы на практике повлекло за собой ряд следствий — и позитивного, и негативного характера. Так, падение монархического строя и отделение церкви от государства было благом, поскольку устраняло искусственные силы, закрепощавшие личность. Однако вместе с этим произошла атомизация общества, ослабление социальных связей, в которых люди нуждаются естественным образом. Свобода обернулась индивидуализмом. Промышленная революция также воспринималась преимущественно как благо, но привела к колониализму, глобализации и загрязнению окружающей среды. Поэтому новое просвещение, необходимое современному обществу, должно, согласно Докладу, избежать недостатков прежнего однобокого рационализма и стать философией баланса, а не исключения.

Основной вопрос моего исследования — насколько философия Канта совместима с пред-

overall conclusion is that Kant's philosophy is not a philosophy of exclusion, capitalist values and utilitarianism and is not their ideological basis.

Keywords: egoism, sociability, balance, the Club of Rome, publicity, provisionality, conflict, planning perspective

In the 2018 report to the Club of Rome (hereinafter the *Report*) Ernst von Weizsäcker and Anders Wijkman (with co-authors) make a case for a New Enlightenment based on the idea of the search for and establishment of ecological and socio-economic balance in the development of humanity (Weizsäcker and Wijkman, 2018, pp. 95-96). The balance should make it possible to solve modern society's problems which, according to the authors, stem from the prevalence of rationalism (in the broad sense) which has its roots in the philosophy of Enlightenment. The key goals of the intellectuals of the Enlightenment era (from Erasmus to Kant and Adam Smith), the authors believe, are freedom of thought and action, freedom of scientific inquiry and entrepreneurship (*ibid.*, pp. 92-93). The practical implementation of this freedom entailed both positive and negative consequences. Thus the fall of the monarchic system and separation of church from state was beneficial because it removed the artificial forces which bound the individual. At the same time it brought about the atomisation of society and loosening of social ties which are a natural human need. The reverse side of freedom turned out to be individualism. The industrial revolution, which was largely thought to be a boon, led to colonialism, globalisation and environmental pollution. Therefore, the *Report* argues, society needs a New Enlightenment which would rid the world of the former one-sided rationalism and become a philosophy of balance and not exclusion.

The main question I address in my study is to what extent Kant's philosophy is compatible

ставленной в Докладе «философией баланса». Несмотря на центральное положение этого понятия в философской части Доклада, читатель не найдет там его четкого определения: в связи с «балансом» авторы упоминают идею «инь — ян», корпускулярно-волновой дуализм в физике, диалектику Гегеля, сочетание потребности человека в научном знании с его же склонностью к мистическим верованиям... Хотя Кант не употребляет понятие «баланс», он ищет пути разрешения противоречий между принципами поведения, интересами людей и точками зрения на устройство мира. Кроме того, в Докладе упомянуты проблемы, которые особенно обострились в конце XX в., но назревали долгое время и были затронуты еще в рассуждениях Канта. Из них я намерен обсудить главным образом позиции Канта по поводу соотношения:

- между краткосрочной и долгосрочной перспективой,
- между скоростью и стабильностью,
- между развитием и справедливостью.

Авторы Доклада отмечают, что люди более склонны стремиться к результатам в краткосрочной перспективе: наращивать скорость развития и достижения результатов (Weizsäcker, Wijkman, 2018, p. 96). Стремление получить быстрые удовольствия и краткосрочную выгоду, которую отражают, например, показатели роста в квартальных отчетах торговых компаний, оказывается более простым и естественным по сравнению с теми стратегиями распределительной справедливости, которые требуют больших планомерных усилий и определенного альтруизма, преодоления эгоизма и партикулярности. Без стремления к краткосрочным достижениям тоже нельзя обойтись, констатируют авторы Доклада, однако ускорение развития расшатывает основы цивилизации, нарушает стабильность и равновесие. Соответственно, для восстановления баланса требуется восполнить недостаток справедливости, стабильности и ориентации на долгосрочную перспективу. Эти идеи (справедливости, стабильности и ориентации на долгосрочную перспективу), на мой взгляд, взаимосвяза-

with the “philosophy of balance” presented in the *Report*. Although the concept is central to the *Report’s* philosophical part, the reader will not find there a precise definition: in connection with “balance” the authors merely mention the yin-yang idea, corpuscular/wave dualism in physics, Hegel’s dialectics, and the combination of man’s need for scientific knowledge with his propensity to entertain mystical beliefs... Although Kant does not use the concept of “balance” he seeks ways to resolve the contradictions between principles of behaviour or people’s interests, and views on the structure of the world. The *Report* also refers to the problems that came to a head in the late twentieth century, although they had been brewing for a long time and were already mentioned by Kant. Of these I propose to discuss the relationships between

- the short-term and long-term perspectives,
- speed and stability,
- development and justice.

The authors note that people tend to seek short-term results by increasing the speed of development (Weizsäcker and Wijkman, 2018, p. 96). The desire for instant gratification and short-term benefits, as reflected, for example, in the growing indicators in the quarterly reports of commercial companies, turns out to be more simple and natural than the strategies of distributive justice which call for major strenuous efforts and a measure of altruism, the overcoming of selfishness and particularity. The authors admit that short-term results are also important, but accelerated development rocks the foundations of civilisation and leads to instability. To restore balance, the shortage of justice, stability and orientation toward the long-term perspective should be remedied. In my view, the ideas of justice, stability and orientation toward the long-term perspective are intercon-

ны. Долгосрочная перспектива требуется для решения глобальных проблем, которые, в свою очередь, обусловлены несправедливостью по отношению к наименее защищенным слоям населения планеты (см., напр.: Sticker, 2021) — и это главная забота Римского клуба. Стабильность требуется для устойчивого воспроизводства тех основ традиций и культур, на которых держится цивилизация.

Далее я покажу, что Кант затрагивает проблемы стабильности, долгосрочной перспективы и справедливости по отдельности и в их взаимосвязи, когда рассуждает о соотношении политики с моралью, когда речь идет о том, как возможно согласовать интересы и принципы политиков с такими целями, как благосостояние, свобода и безопасность государства. Моральная сторона дела приводит к теме нравственной природы человека и к теме баланса между долгом и склонностями. Политическая сторона дела приводит к вопросу о том, каким образом сдерживать эгоизм граждан с помощью правовых рамок и государственной власти, а также к вопросу о соответствии, или балансе, между внутренней и внешней политикой. Все эти рассуждения Канта сформулированы, разумеется, в контексте проблематики его времени, поэтому применение его указаний к проблемам и условиям современного общества требует новых адаптационных разработок, и они ведутся в социальных науках, за пределами собственно философии. В этой связи я затрону вопрос о том, как оценивают практическую философию Канта в этих разработках, и сравню с точкой зрения авторов Доклада. Этот вопрос будет рассмотрен в последних пунктах статьи в связи с проблемой сбалансированного развития экономики и публичной сферы.

1. Этика: между долгом и эгоистическими склонностями

Тема преодоления эгоизма, лежащая в основе предложенной в Докладе философии баланса, разработана у Канта в этике и антропо-

nected. The long-term perspective is needed to solve global problems which, in turn, stem from injustice toward the more vulnerable strata of the planet's population (see, for example, Sticker, 2021), which is the main concern of the Club of Rome. Stability is needed for sustained reproduction of the foundations — traditions and culture — on which civilisation rests.

I will then show that Kant touches upon the problems of stability, the long-term perspective and justice separately and together when he reflects on the relationship between politics and morality, where he suggests how the interests and principles of politicians can be harmonised with such goals as well-being, freedom and state security. The moral aspect leads to the theme of the moral nature of the human being and the balance between duty and inclinations. The political aspect has to do with the question how the egoism of citizens can be restrained through legal frameworks and state power, and the question of the balance between internal and external policies. Kant's reasoning is, of course, anchored in the context of his time, so that his prescriptions cannot be applied to the problems and conditions of modern society without adaptation, work which is being done in the social sciences outside the scope of philosophy proper. In this connection I will look at how these studies assess Kant's practical philosophy and consider the position expressed in the *Report*. The issue will be discussed in the final part of the article in connection with the problem of balanced development of the economy and the public sphere.

1. Ethics: Between Duty and Egoistic Inclinations

The theme of overcoming egoism which informs the philosophy of balance set forth in the *Report* has been addressed in Kant's ethics and

логии. Категорический императив предписывает поступать по такому принципу, который мог бы стать всеобщим законом. Этот императив можно охарактеризовать как стратегию поиска баланса между различными индивидуальными и групповыми ценностями, поиска безусловных принципов для определения образа действий на все времена и для всех обстоятельств². Такие принципы ориентированы на долгосрочную перспективу — в противоположность краткосрочной выгоде. Это отчетливо выражено, как показывает Э.Ю. Соловьев, в критике Кантом этики «расчетливого эвдемонизма» материалистов Гельвеция и Гольбаха (Соловьев, 2005, с. 64). Они полагали, что в основу этики следует класть «правильно понятый собственный интерес», «разумное себялюбие», стремление к счастью (Там же, с. 46). Этот выбор в пользу личных желаний и склонностей — по сути, выбор в пользу развития, скорости и краткосрочной перспективы.

Кант критиковал установку на стремление к счастью как ведущий мотив поступков, изобразив искателей этого счастья. Они разочарованы в ограниченности возможностей разума на этом пути — вплоть до ненависти, мисологии, поскольку, например, точный расчет выгод оборачивается больше тяготами, нежели большей степенью счастья (см.: Там же, с. 65). То же, что «приносит истинную и прочную выгоду, если эта выгода должна простираться на все существование, всегда покрыто непроницаемым мраком, и требуется много ума, чтобы направленные на это практические правила более или менее удовлетворительно приспособить к целям жизни через хитроумные исключения» (AA 05, S. 36; Кант, 1997, с. 363).

Критика эвдемонизма на уровне этической теории вовсе не приводит Канта к запрету на

² Категоричны ли кантовские моральные требования по своей сути — этот вопрос был и остается предметом дискуссий. См., напр., анализ доводов Дж. Макдауэлла, который доказывает непреложность моральных выводов по Канту, но делает это с позиций партикуляристского этоса, в статье: (Бэксхёрст, 2022).

anthropology. The categorical imperative prescribes acting according to a principle which could become a universal law. The imperative can be described as a strategy of the search for a balance between different individual and group interests, the search for unconditional principles determining behaviours for all times and circumstances.² Such principles are oriented toward the long-term perspective as opposed to short-term benefits. As Erikh Yu. Solovyov (2005, p. 64) shows, this is clearly expressed in Kant's critique of the ethics of "calculated eudemonism" of the materialists Claude A. Helvetius and Paul-Henri d'Holbach. They believed that ethics should be based on "correctly understood self-interest", "reasonable self-love" and the pursuit of happiness (*ibid.*, p. 46) The choice in favour of personal desires and inclinations is effectively a choice in favour of development, speed and the short-term perspective.

Kant criticised the commitment to achieving happiness as the key motive of actions and portrayed the seekers of such happiness. They are disenchanted by reason's limited potential on that path to the point of hatred and misology because, for example, precise calculation of benefits may lead to greater hardship rather than increased happiness (see *ibid.*, p. 65). As for "what brings true, lasting advantage, if this advantage is to be extended to [one's] entire existence", it is "shrouded in impenetrable obscurity and requires much prudence in order that the practical rule attuned to that [aim can] be adapted even tolerably to life's purposes by means of suitable exceptions" (*KpV*, AA 05, p. 36; Kant, 2002, p. 54). Critique of eudemonism at the level of ethical theory does not lead Kant to deny personal pursuit of happi-

² Whether Kant's moral precepts are essentially categorical is still a moot question. See, for example, in Bakhurst (2022) an analysis of the arguments of John McDowell, who claims that Kant's moral principles are immutable, but does so from the standpoint of the particularist ethos.

персональное стремление к счастью само по себе и даже не противоречит ему. Кант подчеркивал, что «естественные склонности, рассматриваемые сами по себе, добры, т.е. приемлемы, и было бы... вредно и достойно порицания пытаться искоренить их...» (AA 06, S. 58; Кант, 1994д, с. 58–59). Формализм кантовской этики не ведет к ригоризму (Соловьев, 2005, с. 125). Более того, Э.Ю. Соловьев, анализируя соотношение эвдемонизма и кантовской деонтологии, показывает, что именно этика себялюбия с ее тезисом о том, что мотивы всякого стремления, в том числе мотивы моральных поступков, возникают из желания «счастья в самом общем смысле этого слова» (AA 08, S. 281; Кант, 1994в, с. 259), формалистична и абстрактна. Что касается иного «формализма» в виде навязчивых предписаний, который стихийно утверждался в нравственном сознании во времена Канта, то последний был его критиком (Соловьев, 2005, с. 57).

Согласно Канту, стремление к счастью нельзя объявить долгом, а суждение о путях достижения счастья, равно как и о выгоде, следует предоставить «самому субъекту действия» (AA 05, S. 20; Кант, 1997, с. 323), признать частным делом, для которого не может быть общих рецептов. Именно это частное дело Э.Ю. Соловьев называет «эвдемонистической... и утилитарной автономией», подчеркивая, что с этой идеей Кант постоянно соотносит «сверхутилитарную» идею категорического императива (Соловьев, 2005, с. 63, 87). Баланс между долгом и склонностями состоит в том, чтобы не запрещать, не исключать стремление к счастью и не отказываться от него, но отличать индивидуальную, спонтанную и переменчивую склонность и обусловленные ею принципы от всеобщего долга, не смешивать мотивы поступков, поскольку это часто приводит к ошибкам (см.: AA 06, S. 29, 36; Кант, 1994д, с. 29, 37).

Противники этики долга пытаются доказать, что категорический императив невозможно воплотить в практике принятия решений (см., напр.: Энском, 2008, с. 75–77, 84). Насколь-

ness and does not even mean that eudemonism contradicts it. Kant stressed that “natural inclinations, considered in themselves, are good, i.e., irreprehensible; and not only is it futile, but it would also be harmful and censurable, to want to eradicate them” (RGV, AA 06, p. 58; Kant, 2009, p. 63). The formalism of Kant’s ethics does not lead to rigorism (Solovyov, 2005, p. 125). Moreover, Solovyov, analysing the relationship between eudemonism and Kantian deontology, shows that precisely the ethics of self-love with its claim that the motives of all striving, including the motive of moral acts, arise from the desire for “happiness, in the most general sense of the word” (TP, AA 08 p. 281; Kant, 1991, p. 67), is formalistic and abstract. As for the other kind of “formalism” in the shape of insistent prescriptions which was spontaneously affirmed in moral consciousness in Kant’s time, it was criticised by Kant (Solovyov, 2005, p. 57).

According to Kant, the pursuit of happiness cannot be declared to be a duty and it should be left to “the agent himself” to judge about the ways of achieving happiness and about benefits (KpV, AA 05, p. 20; Kant, 2002, p. 31). It is a private matter in which there can be no pat recipes and which Solovyov calls “eudemonistic ... and utilitarian autonomy”, stressing that Kant constantly conflates this idea with the “ultra-utilitarian idea of the categorical imperative (Solovyov, 2005, pp. 63, 87). The balance between duty and inclinations does not consist in banning or excluding the pursuit of happiness or renouncing it, but in distinguishing individual, spontaneous and fickle inclination and the corresponding principles from universal duty, in not confusing the motives of acts since this often leads to mistaken incentives (RGV, AA 06, p. 29; Kant, 2009, p. 32, 40).

Opponents of the ethics of duty are at pains to prove that the categorical imperative cannot be applied to the practice of decision mak-

ко обычный человек способен осознать свои мотивы, чтобы выбрать среди них побуждения из уважения к долгу? Этот вопрос правомерен не только ввиду всей сложной природы человека, но и в особенности из-за склонности к самообману, которую Кант отмечает в людях. Он называет это мудрствованием. Способность человека полностью отдавать самому себе отчет в своих мотивах, необходимая для морали, оказывается под сомнением. Эта проблема активно обсуждается в современном кантоведении³. Урсула Ренц поясняет, что тяга к самообману не налагает непреодолимых ограничений на свободу воли, поскольку Кант понимает эту тягу «совсем не как (первичную) причину, а, наоборот, как эффект или симптом ограничения человеческого самопознания» (Ренц, 2021, с. 14). Признание мудрствования, как показывает Ренц, позволяет людям преодолеть односторонность восприятия себя как автономных моральных агентов (какими мы хотели бы быть) (Там же, с. 40). Так появляется дополнительное связующее звено между долгом и склонностями.

Одно из центральных кантовских понятий в размышлениях о преодолении эгоизма — «необщительная общительность». Всякий человек, по Канту, имеет желание общаться, но одновременно желает делать все по-своему. Пытаясь разрешить это противоречие, человек ищет пути добиться признания в глазах окружающих, «создать себе положение» среди них своими достижениями — таким образом формируется культура в широком смысле (AA 08, S. 21; Кант, 1994а, с. 91–93). Кант признает одновременно наличие разнонаправленных тенденций в природе человека — и возможность разрешить эту проблему, присущую каждому, собственными усилиями. В каждом индивидуальном случае и в течение жизни этот баланс эгоизма и стремления к общению обретается по-разному. Эта идея на стыке кантовской ан-

³ О проблемах, с которыми сопряжена кантовская идея самообмана в форме мудрствования, а также о новейших исследованиях этой темы см.: (Штикер, 2022).

ing (see, for example: Anscombe, 1958, pp. 5-8, 13). To what extent is an ordinary person capable of being conscious of his/her motives to choose incentives in deference to duty? This is a valid question not only because of the complexity of human nature but also because humans are prone to deceive themselves, as Kant remarks. He calls it “rationalising”. The human being’s capacity to be fully aware of his/her motives, something which is necessary for morality, comes into question. The problem is hotly debated in modern Kant scholarship.³ Ursula Renz (2021, p. 14) explains that the proneness to self-deception does not impose insuperable limitations on freedom of will because Kant sees this proneness “not as the (prime) cause, but, on the contrary, as the effect or symptom of the limitations of human self-knowledge”. Awareness of “philosophising”, Renz argues, enables people to overcome one-sided perception of themselves as autonomous moral agents (such as they would like to be) (*ibid.*, p. 40). This introduces an extra link between duty and inclinations.

One of the central Kantian concepts in the reflections on overcoming egoism is “unsociable sociability”. According to Kant, every person wants to communicate, but to do so in one’s own way. In trying to resolve this contradiction, people see recognition in the eyes of those around them, “to establish a position for themselves among their fellows” (*laG*, AA 08, p. 21; Kant, 2006b, p. 7) by their achievements. Thus is formed culture in the broad sense. Kant recognises the simultaneous existence in human nature of oppositely directed tendencies and every person’s possibility to resolve this problem, which confronts everyone, by his/her own effort. The balance between egoism

³ On the problems with the Kantian idea of self-deception in the form of rationalising and the recent research into this topic see Sticker (2022).

тропологии, философии права и философии истории — яркий пример диалектического стиля мышления. Кант первым занял такую многостороннюю точку зрения при обсуждении роли эгоистических склонностей в социальной сфере⁴, что позволило ему избежать крайностей антропологического и социально-политического пессимизма (Гоббс) и оптимизма (Гроций и Руссо) в оценке природы зла (см. об этом: Zagirnyak, 2021, p. 1113; Жаворонков, 2019, с. 190).

Итак, с точки зрения Канта, путем распространения моральной культуры вполне возможно уравновесить естественный эгоизм, не впадая в крайности чрезмерного рационализма или ригоризма в этике. Кроме того, в обществе эгоизм уравновешивается через «необщительную общительность» отчасти стихийно, естественным образом, но только отчасти, поскольку также значимую роль в этом процессе играет государство.

2. Баланс развития и справедливости: республика и реформы

В основе «необщительной общительности» лежат индивидуальные стремления к славе, власти и богатству. Сами по себе эти стремления направлены на *краткосрочную* перспективу, на *скорейшее* достижение результата в рамках собственной жизни. В конечном счете они развивают культуру. Однако развитие культуры на основе этих результатов в долгосрочной перспективе не может происходить одним только стихийным образом, поскольку склонности людей таковы, что «при необузданной свободе они не могут долго уживаться друг с другом», и «наилучшее воздействие» человеческие склонности производят «лишь внутри такой “ограды”, как гражданский союз» (AA 08, S. 22; Кант, 1994а, с. 97). В этом союзе обеспечи-

⁴ По этому вопросу высказывались М. Монтень, Г. Гроций, А. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Ж.-Ж. Руссо и другие (подробнее см.: Жаворонков, 2021, с. 117).

and the wish to communicate is achieved differently in each particular case and throughout life. This idea at the intersection of Kantian anthropology, philosophy of right and philosophy of history is a vivid example of dialectical thinking. Kant was the first to take such a multi-faceted stance on the role of egoistic inclinations in the social sphere,⁴ which enabled him to avoid the extremes of anthropological and socio-political pessimism (Hobbes) and optimism (Grotius and Rousseau) in assessing the nature of evil (*cf.* Zagirnyak, 2021, p. 1113; Zhavoronkov, 2019, p. 190).

Thus Kant maintains that the spread of moral culture can counterbalance natural egoism without going to the extremes of excessive rationalism or rigorism in ethics. Besides, in society egoism is counterbalanced by “unsociable sociability” spontaneously, but only partly so, because the state also plays a significant part in this.

2. Balance between Development and Justice: The Republic and Reforms

“Unsociable sociability” arises from the lust for fame, power and wealth. These drives are oriented toward the *short-term* perspective, e.g. *quick* results during one’s lifetime. Ultimately they develop culture. But in the long-term, culture cannot develop only spontaneously since people’s inclinations “make them unable to live together in a state of wild freedom for very long”, and human inclinations have “the best effect” “only in a refuge such as a civic union” (*IaG*, AA 08, p. 22; Kant, 2006b, p. 8). This union ensures compatibility of acts “with the freedom of everyone in accordance with a universal

⁴ The issue was discussed by M. Montaigne, H. Grotius, A. Shaftesbury, F. Hutcheson, J.-J. Rousseau and others. For more detail see Zhavoronkov (2021, p. 117).

вается совместимость поступков «со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» — это требование кантовского «всеобщего принципа права» (AA 06, S. 230; Кант, 2014, с. 89), и политика должна служить его воплощению.

Составляя «проект конституции государства», следует, по Канту, брать за основу идеал республиканского устройства (B 372–373; Кант, 2006, с. 481). Оно основано «на *наибольшей человеческой свободе* согласно законам, благодаря которым *свобода каждого совместима со свободой всех остальных...*» (Там же). Главные признаки кантовской республики — разделение ветвей власти, представительная законодательная власть, политика моральной свободы и равноправие граждан. В международной политике республиканскому устройству соответствует принцип суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. В «Трансцендентальной диалектике» Кант на примере платоновской республики сравнивает политический идеал вообще с идеей разума⁵.

Исторически государства неизбежно образуются в форме, далекой от идеала, и их устройство, полагает Кант, следует постепенно реформировать в направлении приближения к нему, хотя правители не желают делиться властью (AA 08, S. 371, 373; Кант, 1994б, с. 433, 439). Один из примеров таких улучшений — назревшая в эпоху Канта отмена наследственных сословных привилегий дворянства и церкви, которые стали пережитками феодализма. Уже само их введение было ошибкой государства, пишет Кант (хотя он признает целесообразность «ленного устройства, которое почти целиком было рассчитано на войну»), а затем общество свыклось с наличием дворянства, и теперь остается только дожидаться перемены общественного мнения, временно сохраняя титулы, но в конце концов отменить их путем ре-

⁵ Под идеей Кант понимает не всякое представление, но понятие разума, которое составлено из чистых понятий рассудка и выходит за пределы возможного опыта (B 378; Кант, 2006, с. 487).

law” demanded by Kant’s “universal principle of justice” (MS RL, AA 06, p. 230; Kant, 1999, p. 30), such that politics should serve its implementation.

According to Kant, in drawing up “the primary plan of a state’s constitution” one should proceed from the republican ideal (*KrV*, B 373; Kant, 1998, p. 397). It is based “on *the greatest human freedom* under laws thanks to which *the freedom of each is compatible with the freedom of all the rest [...]*” (*ibid.*) The main features of the Kantian republic are separation of powers, representative legislative power, the policy of moral freedom and equality of citizens. In international politics the republican system corresponds to the principle of sovereignty and non-interference in the internal affairs of states. In “Transcendental Dialectic” Kant uses the example of Plato’s republic to compare the political ideal with the idea of reason.⁵

Historically, states at their inception are far from the ideal and, according to Kant, they should be gradually reformed in the direction of the ideal, although the rulers are loath to share power (*ZeF*, AA 08, p. 371, 373; Kant, 2006c, p. 95, 97). One example of such improvements was the abolition of social estate privileges of the nobility and the church, survivals of feudalism whose abolition was already overdue in Kant’s time. Even their introduction was a mistake of the state, writes Kant (although he recognised the rationale of “the lien system which was almost entirely intended for war”); later society became used to the existence of the nobility, so that it now remains to wait for public opinion to change; titles will temporarily be pre-

⁵ By ‘idea’ Kant means not any representation, but the concept of reason, composed of pure concepts of understanding and transcending possible experience (*KrV*, B 378; Kant, 1998, p. 399).

форм, «сверху» (AA 06, S. 328–329; Кант, 2014, с. 355, 357). Добиваться справедливости путем революции, по Канту, неприемлемо по той причине, что, по сути, это полностью разрушает систему права. Верховная власть может быть сколь угодно несправедлива, но допустить мятеж означает заменить законодательство на силу, и в таком случае, согласно Канту, общая воля противоречит сама себе (AA 08, S. 352; Кант, 1994б, с. 381). Таким образом, ценность политической стабильности играет важную роль в политической философии Канта, но основной смысл этой стабильности состоит в том, чтобы обеспечить возможность устойчивых изменений государственного строя, исправления его недостатков. Кант очень рад тому, что европейская публика в роли наблюдателей сочувствует Французской революции, потому что это проявление морального прогресса и понимания того, к чему следует стремиться (AA 07, S. 85, 88; Кант, 1999, с. 202, 208). Однако основного проявления морального прогресса следует ожидать, по Канту, в росте легальности поведения (AA 07, S. 91; Кант, 1999, с. 216).

В шестом положении «Идеи всеобщей истории» Кант заявляет, что человек сделан из такого «кривого дерева», из которого не получится ничего прямого — и это можно истолковать как крайний скепсис в отношении перспектив воплощения республики (AA 08, S. 23; Кант, 1994а, с. 99). Власть контролирует граждан — но кто будет сдерживать саму власть? Ведь правитель такой же человек, как остальные, кто будет ему «господином»? Объясняя позицию Канта по этим вопросам, Э. Ю. Соловьев опирается на полемику Канта с Гердером, с гердеровскими «либеральным патернализмом» и «пантеистическим прогрессизмом» — иными словами, с концепцией божественного воспитания человечества. Гердер стремился вывести определение человека из исторического опыта, но не довел эту попытку до конца и оставил правителя в положении опекуна (Соло-

served but eventually be abolished by “top down” reforms (*MS RL*, AA 06, pp. 328-329; Kant, 1999, p. 134, 135). Kant maintains that seeking justice through revolution is unacceptable because essentially it destroys the system of law. Supreme power may be totally unjust, but to allow a rebellion means replacing law with force, in which case, Kant argues, “general will stands in contradiction with itself” (*ZeF*, AA 08, p. 378; Kant, 2006c, p. 76). Thus, political stability is important in Kant’s political philosophy, but the main purpose of stability is to ensure the possibility of sustained changes of the state system, to remedy its shortcomings. Kant welcomes the fact that the European public, watching from the sidelines, has sympathy for the French Revolution since this is a sign of moral progress and an understanding of what goals to strive for (*SF*, AA 07, p. 85; Kant, 2006d, p. 155, 158). But the main manifestation of moral progress, according to Kant, should be increasingly lawful behaviour (*SF*, AA 07, p. 91; Kant, 2006d, p. 161).

In point six of his *Idea for a Universal History* he observes that man is made from such “crooked wood” from which nothing straight can be made. This can be interpreted as extreme scepticism concerning the perspective of the republic (*IaG*, AA 08, p. 23; Kant, 2006b, p. 9). Power controls the citizens but who will restrain power itself? The ruler is a human being like everyone else — who will be his “master”? Explaining Kant’s position on these issues, E. Solovyov turns to Kant’s polemic with Herder, with Herder’s “liberal paternalism” and “pantheistic progressivism”. Here we are confronted with the concept of divine education of humankind. Herder sought to derive the definition of the human being from historical experience, but he did not follow it

вьев, 2005, с. 246—253). Кант показывает, что по опыту истории обычному человеку требуется сильная власть в ее деспотичной версии, и сам правитель также не может быть идеальным, если он создан «из политического материала, до сих пор доминировавшего в истории» (см.: Там же, с. 278). Для Канта это, однако, означает не пессимизм, но принципиальную открытость будущего, отсутствие предопределенности и драматичность истории: республика и тирания в равной степени возможны в исторической перспективе.

Путь «вытесывания», как мы можем судить по сочинениям Канта, — это муштра и отбор, воспитывать народ такими методами — значит управлять в «духе придинок» (AA 08, S. 374; Кант, 1994б, с. 441). К этому пути легко склониться, если судить о людях по тому, каковы они есть. Кант описывает позицию «практика» — правителя или юриста: в силу служебного положения он нередко сталкивается с худшими проявлениями человеческой природы, сдерживание которых требует строгой политики и строгих законов (Там же). С этой точки зрения, в людях не найти способность к моральному прогрессу. Кант частично соглашается с этим, но настаивает на том, что даже худший человек не отрекается от морального закона, сохраняет уважение к праву и обладает моральной свободой (AA 06, S. 36; Кант, 1994д, с. 37).

Среди препятствий к воплощению политического идеала — не только сложная человеческая природа, но и осознанное «пренебрежение к истинным идеям при составлении законов» (B 373; Кант, 2006, с. 481). Оно ухудшает практику воплощения законов, поскольку возникает впечатление, что существующий порядок не страдает от умеренного объема мелких нарушений. Накопление уверенности в том, что такое положение дел вполне может сохраняться стабильным, ведет к тому, что еще слабее становится доверие к идеям, — и так до бесконечности. Для Канта важно, что «мы не только яв-

through and left the ruler in the position of guardian (Solovyov, 2005, pp. 246-253). Kant shows that from historical experience the ordinary human being needs a strong power in its despotic version, and the ruler, too, cannot be ideal if he is made “from the political material that hitherto has been dominant in history” (*ibid.*, p. 278). For Kant, however, this is not about pessimism but about the essential open-endedness of the future, lack of pre-determination and the drama of history: republic and tyranny are equally possible in the historical perspective.

Judging from Kant’s works, the path of “honing” is drill and selection; to educate people in this way means to rule “in the spirit of chicanery” (*ZeF*, AA 08, p. 374; Kant, 2006c, p. 98). It is all too easy to choose this path, judging from what people are like. Kant describes the position of the “practitioner”, the ruler or lawyer: in performing his duties he often encounters the worst manifestations of human nature which must be curbed by strict policies and severe laws (*ibid.*). From that point of view, humans have no capacity for moral progress. Kant agrees with this up to a point, but insists that even the worst human being does not abdicate the moral law, retains respect for law and possesses moral freedom (*RGV*, AA 06, p. 36; Kant, 2009, pp. 39-40).

Along with the complexities of human nature another obstacle in the way of implementing the political ideal is conscious “neglect of the true ideas in the giving of laws” (*KrV*, B 373; Kant, 1998, p. 397). It impairs law enforcement practice because there is an impression that the existing order does not unduly suffer from a moderate amount of petty transgressions. The growing sense that such a state of affairs can remain stable undermines trust

ляемся продуктами нашего индивидуального и социального развития, но и сами формируем его принципы» (Жаворонков, 2019, с. 190). Из этой точки зрения вытекает другая модель воспитания правителя: «*взрачивание*, тесно связанное с идеалом всеобщего нравственного совершенствования» (Соловьев, 2005, с. 279). На этом пути «воспитание разумного правителя должно стать следствием нравственно-правового самовоспитания народа», но оно становится возможным только в тех условиях, которые обеспечиваются в республиканской форме устройства государства (Там же, с. 281).

Несмотря на образ «кривого дерева», Кант позже характеризует основы правового статуса граждан в республике посредством почти революционного лозунга *свобода – равенство – самостоятельность* (AA 08, S. 290; Кант, 1994в, с. 283). Ситуация сохранения пережитков феодального строя для Канта – это ситуация «искусственного несовершеннолетия», когда природа уже создала условия для того, чтобы большая часть подданных передовых государств мира обрела самостоятельность, то есть, по Канту, статус законодателей, а конкретнее – избирательные права. Совершеннолетие и самостоятельность – близкие понятия у Канта, но не полные синонимы, первый термин используется в статье «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» (AA 08, S. 35; Кант, 1994г, с. 127), второй – в статье «О поговорке...» (AA 08, S. 290; Кант, 1994в, с. 283). На мой взгляд, совершеннолетие – это внутренняя основа самостоятельности как внешнего статуса. Состояние несовершеннолетия – это состояние ведомого, того, кто не мыслит самостоятельно по двум основаниям: поскольку не решается сам и поскольку этого ему не дают «опекуны». Кант утверждает: надо решаться и самим преодолевать собственные леность и малодушие (AA 08, S. 35; Кант, 1994г, с. 127). Как это возможно?

Э. Ю. Соловьев видит здесь у Канта идею «реформации нравственного сознания»: «жи-

in ideas, and so on *ad infinitum*. For Kant it is important that “we are not only products of our individual and social development, but ourselves shape its principles” (Zhavoronkov, 2019, p. 190). This point of view suggests a different model of education: “*fostering*, closely linked with the ideal of universal moral improvement” (Solovyov, 2005, p. 279). On this path, “education of a wise ruler should be the consequence of moral and legal self-education of the people,” but it is only possible under conditions provided by the republican form of state government (*ibid.*, p. 281).

Notwithstanding the image of “crooked wood”, Kant would later characterise the legal status of citizens in a republic by an almost revolutionary slogan *freedom – equality – independence* (TP, AA 08 p. 290; Kant, 1991, p. 74). Kant described the situation of surviving vestiges of the feudal system as a situation of “self-incurred immaturity”, when nature had already created conditions for the greater part of the subjects of advanced states of the world to obtain independence, that is, according to Kant, they have the status of law-makers, i.e. the right to vote. With Kant the concepts of maturity and independence are similar, but not synonymous; the former is used in the article “An Answer to the Question: What Is Enlightenment?” (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006a, p. 17), and the latter in the article, “On the Common Saying...” (TP, AA 08, p. 290; Kant, 1991, p. 77). As I see it, maturity is the core of independence as an external status. The state of immaturity is the state of someone being led, of someone who does not think independently for two reasons: because he doesn’t dare to do so and because he is prevented from doing so by the “guardians”. Kant asserts: one should make up one’s mind and overcome “idleness and cowardice” (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006a, p. 17). How is this possible?

вотно-политическая нужда в господине» на пути просвещения «начнет утоляться *господством человека над самим собой*» (Соловьев, 2005, с. 281). Вопрос в том, кто мог услышать в то время призыв Канта иметь мужество пользоваться собственным умом (AA 08, S. 35; Кант, 1994г, с. 127). Читающая публика? Ее представители получили образование, стали авторами, участниками культурных салонов и научных обществ. А значит, подразумевал это Кант или нет, его призыв был больше адресован другой стороне — элите, аристократии, это призыв создать условия для просвещения народа.

Политика реформ в направлении постепенного воплощения идеала требует осознания того, что все решения имеют неокончательный характер и установленный согласно им порядок следует воспринимать как открытый для дальнейшего реформирования. В этой концепции предварительности, незавершенности установлений, открытости развитию (*provisionality*) состоит ядро политической философии Канта, как считает Элизабет Эллис. Она полагает, что фундаментальное политическое *conditio humana* по Канту — состояние постоянного стремления к идеалам: «для политики важна не убедительность какой-либо конкретной этической системы, а абстрактная вездесущность морального аргумента в политической жизни» (Ellis, 2008, p. 2–3). Предварительность проявляется, с одной стороны, как теория идеала, с другой — как практика перманентного приближения к нему.

Тема незавершенности в политике раскрывается у Канта наиболее явно в его предложении ввести в правовую практику «дозволяющие законы». Это инструмент для восстановления той несправедливости, которой в прошлом нельзя было избежать и которую очень нежелательно оставлять на будущее (AA 08, S. 350; Кант, 1994б, с. 371). Законы бывают предписывающие или запрещающие, но не все удается осуществить немедленно — и должно быть

Solovyov (2005, с. 281) sees here the idea of “reformation of moral consciousness”: “the gut political feeling of needing a master” on the path of enlightenment will “come to be assuaged by *man’s mastery over himself*”. The question is, who at the time could hear Kant’s call to have the courage to use one’s own reason? (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006a, p. 17). The reading public? Its members had acquired an education, had written books and took part in cultural salons and scientific societies. Hence, whether Kant implied it or not, his call was addressed more to the other side, the elite, the aristocracy and was a call for creating conditions for enlightenment of the people. The policy of reform toward gradual implementation of the ideal implies an awareness that no decisions are final and that the order they establish should be seen as open to further reform. The concept of provisionality, non-finality and openness to change constitute the nucleus of Kant’s political philosophy, Elizabeth Ellis maintains. She believes that according to Kant the fundamental political *conditio humana* is constant striving toward ideals: “What matters for politics is not the conclusiveness of any particular ethical system [...] but the abstract ubiquity of moral argument in political life” (Ellis, 2008, pp. 2-3). Tentativeness is manifested, on the one hand, as the theory of ideal and, on the other, as the practice of constant movement toward the ideal.

Kant’s idea of the absence of finality in politics is most clearly expressed in his proposal to introduce “permissive laws” in legal practice. It is an instrument of redressing an injustice which could not be avoided in the past but would rather be got rid of in the future (*ZeF*, AA 08, p. 350; Kant, 2006c, p. 72). Laws can be prescribing and proscribing, but not all of them

разрешение отсрочить исполнение до благоприятных обстоятельств, только не до бесконечности.

Итак, кантовское понятие республики, на мой взгляд, соответствует пункту Доклада с требованием баланса между развитием и справедливостью. Развитие обеспечивается достаточной свободой для «необщительной общительности», для эгоистических склонностей, для стремления к счастью и к успеху в краткосрочной перспективе. Справедливость гарантируется правовыми рамками согласования внешней свободы граждан. В следующем пункте предстоит уточнить, какие принципы управления государством Кант предполагает на долгосрочную перспективу.

3. Баланс скорости и стабильности развития: внешняя политика

Забота о долгосрочной перспективе — это тема рассуждений Канта о стратегиях обеспечения безопасности и благосостояния государства. Подобно тому, как гражданину требуются защита прав и свобода деятельности и поиска счастья, так и республике нужны мирные законосообразные отношения с другими государствами. Во-первых, это предписывают принципы кантовского учения о праве, без которых функционирование права невозможно, во-вторых, мир необходим ради благополучия и благосостояния государства. Порядок, по Канту, именно таков: справедливость должна быть в приоритете, хотя воплощать ее следует с учетом обстоятельств: например, внутренние реформы благоразумно проводить в условиях отсутствия значительной внешней угрозы свободе государства (AA 08, S. 373; Кант, 1994б, с. 439).

Таким образом, внутренняя политика тесно связана с внешней, и возникает проблема баланса между ними, в особенности проблема обеспечения внутреннего благополучия справедливым образом. Кант высоко ставит

can be implemented immediately, and there should be a chance to postpone their enforcement until the circumstances are propitious, but not *ad infinitum*.

Thus, the Kantian concept of the republic, in my opinion, chimes with the item in the *Report* urging the need for a balance between development and justice. Development is ensured by sufficient freedom for “unsociable sociability”, for egoistic inclinations, the pursuit of happiness and success in the short term. Justice is guaranteed by the legal framework for external freedom of citizens. The following section will look at what Kant considers to be long-term principles of state governance.

3. Balance between the Speed and Sustainability of Development: External Policies

Concern for the long-term perspective informs Kant’s reflections on ensuring the security and well-being of the state. Just as a citizen needs protection of his rights and freedom of activity and the pursuit of happiness, so a republic needs peaceful and rules-based relations with other states. First, this is prescribed by the principles of Kant’s teaching on right, without which law cannot function, and second, peace is necessary for the well-being and prosperity of the state. The priorities, according to Kant, are as follows: justice should come first, but it should be implemented taking due account of the circumstances: for example, internal reforms should preferably be implemented in the absence of a significant external threat to the state’s freedom (*ZeF*, AA 08, p. 373; Kant, 2006c, p. 97).

Internal politics is thus closely bound up with external politics, so that there arises the

ценность свободы и самостоятельности государства, которые являются условием для самой возможности внутренних преобразований в направлении республики. Кант считает государство политическим организмом, который должен развиваться самостоятельно, иначе возникают большие риски злоупотреблений влиянием одних государств на другие (AA 08, S. 344; Кант, 1994б, с. 359). Соответственно, он видит недопустимым вмешательство во внутренние дела других государств, полагает несправедливым заботиться о собственной безопасности и благосостоянии государства в ущерб другим государствам (AA 08, S. 383–384; Кант, 1994б, с. 469, 471).

В «Споре факультетов» Кант заявляет о том, что ни народ, ни правительство не пожелают и не смогут сами встать на путь просвещения, пока не уйдет в прошлое война как политический феномен (AA 07, S. 92–93; Кант, 1999, с. 220). Фактически прусская власть стала всерьез обсуждать шаги в этом направлении разве что под давлением исторической необходимости, точнее, внешней угрозы. Если и стоит проводить либеральные преобразования, а именно наделять граждан политическими правами, то с целью укрепить гражданскую сознательность и патриотизм и, как следствие, желание граждан защищать свою страну — такие рассуждения встречаются в материалах политических дискуссий в Пруссии во время Наполеоновских войн (см.: Cavallar, 1992, S. 95). Действующий парламент в Пруссии появился еще позже, в середине XIX столетия.

В политической философии Канта получила закономерное продолжение критика эвдемонизма в его этике⁶. Кёнигсбергский философ осуждает погоню за достижением благополучия государства в изменчивых обстоятельствах в ущерб справедливости (AA 08, S. 378; Кант, 1994б, с. 453). Точного определения справедливости он не дает, но связывает это понятие с прин-

problem of balance between them, especially the problem of ensuring internal well-being in a just manner. Kant puts a high value on the freedom and independence of the state — conditions which make internal transformations in the direction of a republic possible. Kant sees the state as a political organism which should develop independently in order to avoid great risks of abuses of influence of some states on others (*ZeF*, AA 08, p. 344; Kant, 2006c, p. 68). He therefore considers inadmissible interference in the internal affairs of other states and believes it is unfair to seek one's own security and well-being at the expense of other states (*ZeF*, AA 08, pp. 383-384; Kant, 2006c, pp. 106-107).

In *The Conflict of the Faculties* Kant asserts that no people and no government would be willing or able to embark on the road of enlightenment until war as a political phenomenon recedes into the past (*SF*, AA 07, pp. 92-93; Kant, 2006d, pp. 162-163). In fact, Prussian power did not begin to discuss steps in this direction until historical necessity, or rather, an external threat demanded it. If liberal reforms, i.e. the granting of political rights to citizens, is at all worthwhile, it is to bolster civic consciousness and patriotism and consequently citizens' readiness to defend their country. Such thinking is to be found in the political discussions in Prussia during the Napoleonic wars (see: Cavallar, 1992, p. 95). Prussia did not get a functioning parliament until the middle of the nineteenth century.

Kant's political philosophy logically continued the critique of eudemonism in Kant's ethics.⁶ Kant condemns the pursuit of a state's well-being under changeable circumstances at the expense of justice (*ZeF*, AA 08, p. 378; Kant,

⁶ О полемическом контексте этой критики см.: (Зильбер, 2020; Stolleis, 1972).

⁶ On the polemical context of this critique see Zilber (2020) and Stolleis (1972).

ципами естественного права и с «царством чистого практического разума» (Там же). Несправедливым он считает стремиться к достижению благополучия любой ценой, подбирая принципы как средства сообразно только с целью и обстоятельствами. Ведь принципы должны определять область допустимых средств, допустимых и приоритетных целей (AA 08, S. 376–377; Кант, 1994б, с. 449). На практике скорейший путь к обеспечению быстрого роста благосостояния государства — это рост его могущества и усиление его международного влияния, зачастую несправедливыми средствами. Кант сулит преимущества иного пути: забота о справедливости приведет к состоянию мира и тем самым к достижению благосостояния государства, хотя этот путь будет медленным и сопряженным с определенными лишениями⁷ (AA 08, S. 378–379; Кант, 1994б, с. 453, 457).

В краткосрочной перспективе Кант выступает за снижение расходов на армию в пользу увеличения социальных расходов государства (AA 07, S. 93; Кант, 1999, с. 220). Мирные законосообразные отношения между государствами он представляет в форме постепенно расширяющегося содружества («союза», «федерации») государств с заключением договора о мире и с созданием международного совещания для обсуждения проблем и улаживания споров с соблюдением равного правового статуса самых разных государств. В условиях глобализации этот проект можно дополнить более тесной

⁷ Кант здесь расставляет ценностные приоритеты. В то же время это высказывание можно считать риторической уловкой. В XX в. похожая формула встречается у Давида Готье: «Долг превыше выгоды, но следование долгу воистину выгодно» (Gauthier, 1985, p. 2). Готье формулирует свою версию общественного договора как рациональной сделки между эгоистичными индивидами. Они ищут собственной выгоды, но способны к принятию рационального решения как условия кооперации в долгосрочной перспективе. Сходный метод применяет Дж. Ролз, когда строит на кантовских основаниях свою теорию справедливости. Кант, однако, аргументирует в пользу морали, а построения Готье едва ли можно считать моральной теорией (см. об этом: Углева, 2021, с. 142).

2006с, p. 101). He does not give a precise definition of justice, but links it with the principles of natural right and “the kingdom of pure practical reason” (Ibid.). He deems it to be unjust to seek well-being at any cost, selecting principles as means in accordance with goals and circumstances. For principles should determine the area of permissible means, permissible priority goals (*ZeF*, AA 08, pp. 376-377; Kant, 2006с, p. 100). In practice, the quickest way to ensure rapid growth of the state’s well-being is the growth of its power and international influence, often by unfair means. Kant promotes the advantages of a different path: concern for justice would lead to a state of peace and thus to the well-being of the state although progress along this path would be slow and would involve certain hardship⁷ (*ZeF*, AA 08, pp. 378-379; Kant, 2006с, pp. 101-102).

In the short-term Kant supports cutting military spending in favour of state social spending (*SF*, AA 07, p. 93; Kant, 2006d, pp. 162-163). He sees peaceful law-governed relations between states as a gradually expanding community (“union”, “federation”) of states with the signing of a peace treaty and the calling of an international conference to discuss problems and settle disputes, with all the states having equal status. In the context of globalisation this project can be complemented by closer economic cooperation and the formation of conti-

⁷ Kant here sets forth value priorities. At the same time, this utterance can be seen as a rhetorical ploy. In the twentieth century a similar formula was proposed by David Gauthier: “Duty is above benefit, but following duty is truly beneficial” (Gauthier, 1985, p. 2). Gauthier formulates his version of the social contract as a rational deal between egoistic individuals. They seek benefit for themselves, but are able to make a rational decision as a condition of long-term cooperation. Rawls uses a similar approach when building his theory of justice on Kantian principles. Kant, however, argues in favour of morality, while Gauthier’s theory can hardly be considered to be moral (see Ugleva, 2021, p. 142).

экономической кооперацией с образованием континентальных организаций по типу Европейского союза — так считает Юрген Хабермас (см.: Хабермас, 2008). Это, однако, предполагает уже значительное ограничение суверенитета каждого государства. Хабермас вдобавок пытается сочетать идеи Канта с неоконсерватизмом, когда заявляет, что США как сверхдержава имеют обоснованные претензии на особую экономическую и силовую роль в улаживании локальных конфликтов в разных регионах мира (Хабермас, 2008, с. 164). Кант вряд ли согласился бы с этой позицией, поскольку выступал против консервативных идей своих современников (см. об этом: Зильбер, Луговой, 2021; Зильбер, 2020), и столь же чужда ему была бы идеология неоконсерватизма, поскольку она скептически относится к международному праву, одобряет вмешательство во внутренние дела государств (в том числе идеологическую экспансию) и увеличение военного бюджета.

В этом отношении показательна полемика Канта с Христианом Гарве, который, как показывает М. Штоллайс, пытался сочетать вольфианское стремление к совершенству и английский эмпиризм. Гарве стремился в политической философии найти баланс между опорой на опыт прошлого и твердыми правилами (см.: Stolleis, 1972, S. 43–50). В рассуждениях о соотношении политики и морали это обернулось тем, что Гарве, по сути, поставил рядом две пирамиды принципов и опирался то на одну, то на другую, но так и не смог превратить их в единую конструкцию. Он задался вопросом, как обеспечить безопасность и благосостояние, если проверенные пути к ним отчасти противоположны. Относительно общим средством является стабильность, но в то же время требуется равновесие сил, которое то и дело оказывается неустойчивым. Ради восстановления равновесия Гарве оправдывал довольно рискованные шаги во внешней политике, вплоть до восстановления своего могущества за счет кого-то более слабого (см.: Зильбер, 2020, с. 62, 67). Это

mental organisations modelled on the European Union, Jürgen Habermas (2004) believes. This, however, would impose significant restrictions on the sovereignty of each state. In addition, Habermas (2004, p. 74) tries to combine Kant's ideas with neo-conservatism in arguing that the US as a superpower has a valid claim to a special economic and military role in settling local conflicts in various regions of the world. Kant, who opposed the conservative ideas of his contemporaries, would hardly have agreed with this position (see Zilber and Lugovoy, 2021; Zilber, 2020); the same applies to the ideology of neo-conservatism, seeing that it is sceptical of international law, approves interference in the internal affairs of states (including ideological expansion) and growth of military budgets.

In this respect, Kant's polemic with Christian Garve is revealing. Garve, as Michael Stolleis (1972, pp. 43-50) shows, tried to combine the Wolffian quest of perfection and English empiricism. In political philosophy he sought a balance between past experience and hard rules. In his reasoning about the relationship between politics and morality, Garve ended up building two pyramids of principles to which he alternately leaned, but never managed to turn them into a single structure. He asked the question, how to ensure security and well-being if the tried paths toward them are partly opposed. Stability is a relatively common means but, at the same time, there needs to be a balance of forces, which often tends to be unstable. To restore equilibrium, Garve justified fairly risky steps in foreign policy, e.g. restoring a state's might at the expense of a weaker state (see Zilber, 2020, pp. 62, 67). Garve (1788, pp. 47-48) justifies such unfairness by bringing in the principle of prevailing interests of the majority, where-

нарушение справедливости оправдывается у Гарве с помощью принципа преобладания интересов большинства. Согласно ему, ради блага большинства допустим некоторый ущерб в отношении меньшинства, аналогично крупные сообщества людей имеют моральный перевес над небольшими, крупные государства могут нарушать свободу и суверенитет малых государств (Garve, 1788, S. 47–48). Для Канта неприемлемо приносить справедливость в жертву как стабильности, так и развитию. Однако стабильность для него все же более важна как условие для постепенного воплощения принципов справедливости (естественного права).

Итак, процесс совершенствования государственного организма должен быть, по Канту, не слишком поспешным, постепенным (AA 08, S. 378; Кант, 1994б, с. 453). Обеспечение безопасности и благосостояния государства требует баланса между внешней и внутренней политикой: согласно Канту, справедливо откладывать реформы в направлении республики до наступления благоприятных внешних обстоятельств, но несправедливо наращивать могущество и благосостояние своего государства за счет других. В вопросе о балансе между развитием и справедливостью Кант явно склоняется к справедливости и полагает, что развитие должно быть не столько быстрым, сколько стабильным, поскольку следует ориентироваться на долгосрочную перспективу. От власти имущего требуется понимать необходимость изменений и стремиться к совершенствованию правового устройства (AA 08, S. 372; Кант, 1994б, с. 437). Какие еще обстоятельства следует считать благоприятными для проведения реформ, помимо отсутствия военной угрозы?

4. Экономическое развитие

Мирные отношения между странами требуются не только ради справедливости, но и ради утилитарной цели — международной торговли, обмена сырьем и товарами, необходимыми

by some damage to the interests of a minority can be tolerated for the good of the majority, just as large communities have a moral edge on smaller ones, large states may infringe on the freedom and sovereignty of small states. Kant considers it inadmissible to sacrifice justice for the sake of stability, as well as development. However, stability is more important for him as a condition of implementing justice (natural right).

So, in Kant's view, the process of improvement of the state organism should be gradual, not too fast (*ZeF*, AA 08, p. 377; Kant, 1991, p. 122). Ensuring state security and well-being calls for a balance between external and internal policies: according to Kant, it is fair to postpone reform in the direction of a republic until external circumstances become favourable, but it is unfair to build up the might of a state at the expense of other states. On the issue of the balance between development and justice Kant clearly leans toward justice, believing that development should be sustained rather than rapid because one should keep in mind the long-term perspective. The powers should be aware of the need for change and seek to improve the legal system (*ZeF*, AA 08, p. 372; Kant, 2006с, p. 96). Other than the absence of a military threat, what other circumstances should be considered favourable for reform?

4. Economic Development

Peace between countries is required not only for the sake of justice, but also for a utilitarian goal: international trade, exchange of commodities and manufactured goods needed for life. To this end "states have (not out of moral motives, of course) to promote peace and avert the threat of war", Kant notes, and in his opinion this is a more secure way than

ми для жизни. Ради этого «государства вынуждены (конечно, не по моральным побуждениям)» содействовать миру и предотвращать угрозу войны, отмечает Кант, и, по его мнению, это реализуется даже надежнее, чем заключение военных союзов (AA 08, S. 368; Кант, 1994б, с. 423–425). Торговля, в свою очередь, должна быть справедливой, с соблюдением условий гостеприимства, которые Кант сформулировал в тезисе о праве всемирного гражданства: аборигены не должны враждебно обращаться с гостями, пока те ведут себя мирно и не угрожают безопасности государства (AA 08, S. 357–358; Кант, 1994б, с. 397). Сходным образом, если речь идет о договоре между государствами о помощи или уступке и т.п., то справедливо соблюдать договор, даже если ко времени исполнения обязательств изменились обстоятельства и он перестал быть выгоден либо несет убытки для одной из сторон (в таком случае, если продолжить мысль Канта, возможные обстоятельства следует продумать заранее, а в процессе заключить дополнительное соглашение, не отказываясь от договора полностью).

Кант осуждает колониализм, но положительно оценивает глобальный торговый обмен как миротворческий фактор. Можно ли на этой основе записать его в сторонники глобализации? Как оценивать с кантианских позиций современное развитие экономики, в котором авторы Доклада видят крен в сторону ускорения развития и краткосрочной перспективы, а экономический рост измеряется не по десятилетиям, но по годам и кварталам? Один пункт для ответа на этот вопрос точно известен из сочинений Канта: он негативно оценивает переуступку долговых обязательств (AA 08, S. 345; Кант, 1994б, с. 361, 363). Вероятно, он настаивал бы на строгом ограничении той практики производных финансовых инструментов, которая ведет к образованию «деривативных пузырей». Что касается экономических свобод и социальной политики, то суждения Канта ближе к социал-либерализму, нежели к неолиберализму и

forming military alliances (*ZeF*, AA 08, p. 368; Kant, 2006c, p. 92). Trade, in turn, should be fair and follow the rules of hospitality which Kant formulated in his thesis on the right of world citizenship: natives should not be hostile to visitors as long as they behave peacefully and do not threaten the state's security (*ZeF*, AA 08, pp. 357-358; Kant, 2006c, p. 82). Similarly, if a treaty on assistance, concessions etc. between states is signed, it is fair to honour the treaty even if by the time obligations have to be met circumstances have changed and it has ceased to be beneficial or even brings losses to one of the parties. To continue Kant's line of thought, possible circumstances have to be foreseen and in the process an additional agreement should be signed without renouncing the full treaty.

Kant condemns colonialism, but considers global trade to be a peace-making factor. Does this warrant considering Kant to be an advocate of globalisation? What would Kant's attitude have been to the modern development of the economy in which the authors of the *Report* see a tilt toward speeding up development and the short-term perspective, as economic growth is measured not by decades but by years and quarters? Part of the answer can be gleaned from Kant's works: he was against the assignment of debt obligations (*ZeF*, AA 08, p. 345; Kant, 2006c, pp. 69-70). He would probably insist on strict control of the practice of derivative financial instruments, which leads to the formation of "derivative bubbles". As for economic liberties and social policy, Kant's views are closer to social-liberalism than to neo-liberalism and classical liberalism. The wish to measure social relations by market criteria is contrary to Kantian ethics.

The ideas of the *Report* are consonant with Kant's: albeit in different ways, both recom-

классическому либерализму. Стремление изменить все общественные отношения рыночными мерками противоположно кантовской этике.

Идеи авторов Доклада и идеи Канта созвучны: они, хотя и по-разному, рекомендуют в государственном планировании и в предпринимательстве смотреть дальше, чем только на краткосрочную перспективу, и не ограничиваться утилитарными целями и ценностями.

5. Политическая коммуникация и конфликты социальных групп

Если гражданам должно быть дозволено искать счастья свободно, по своему усмотрению, то как обеспечить справедливое соблюдение интересов различных социальных групп? Сюда примыкает вопрос о том, каковы шансы граждан повлиять на тех, кто принимает политические решения. У Канта средством донести позицию граждан до власти выступает свобода печати, свобода высказывать свои соображения по поводу путей возможного улучшения жизни общества. Это средство особенно актуально, когда государственный строй монархический и законодательное представительство в нем отсутствует. В наше время в большинстве ведущих государств проходят парламентские выборы, сильно выросло разнообразие стилей жизни и субкультур, высокого уровня достигло развитие средств информации и коммуникации. Все это ставит новые вопросы, такие как проблема манипуляций сознанием и общественным мнением, а также проблема справедливого учета интересов различных социальных групп. Общественное мнение становится эмпирическим дополнением к проблеме общественного договора, которая в классических контрактualистских теориях, например Локка и Канта, была скорее умозрительной. Теория справедливости Дж. Ролза — пример широко известной попытки использовать кантовские принципы без кантовской метафизики для построения современной социальной теории. Другая известная теория, Ю. Хабермаса,

mend, in state planning and entrepreneurship, looking beyond the short-term perspective and not being confined to utilitarian goals and values.

5. Political Communication and Conflict between Social Groups

If citizens should be allowed to freely pursue happiness as they see fit, how can one ensure that the interests of various social groups are fairly met? A related question is, what chance do citizens have of influencing the decision-makers? According to Kant, the vehicle for bringing citizens' positions to the authorities is the free press, the freedom to express opinions on ways to improve society's welfare. This instrument takes on added importance in a monarchy where there is no representative branch. Today the majority of leading states hold parliamentary elections, there is an increased diversity of life-styles and subcultures, and information and communications have taken a great leap forward. All this raises new questions such as the manipulation of consciousness and public opinion, and the problem of taking into account the interests of various social groups. Public opinion becomes an empirical addition to the problem of social contract which was rather speculative in the classical contractualist theories, for example, of Locke and Kant. In his theory of justice John Rawls famously made an attempt to use Kantian principles without Kantian metaphysics to build a modern social theory. Another famous theory is that of Habermas. It is not Kantian, but he obviously has sympathy for Kant. Assessments of the theories of Rawls and Habermas are germane to my theme in connection with the question of the relevance of Kant's practical philosophy today.

не кантианская, но автор явно симпатизирует Канту. Оценки теорий Ролза и Хабермаса интересны в контексте нашей темы в связи с вопросом о том, насколько актуальна сегодня практическая философия Канта.

Публичное применение разума в кантовском смысле играет важную роль в теории Ролза. Он считает, что «условие публичности содержится в неявном виде в кантианской доктрине категорического императива». Этот императив требует искать законы для царства целей — Кант мыслил его «как этическое содружество, которое будет иметь такие этические принципы в качестве своей публичной хартии» (Ролз, 2010, с. 125). Встречаются, однако, сомнения в том, насколько современное публичное пространство способно выполнять те функции, которые ожидал от публичности Кант. Информационное пространство оценивают, к примеру, как стихию и средство манипуляций, направленных как на народ в интересах элиты, так и на элиту со стороны части народа — определенных групп со специфическими интересами (см.: Кастиллио, 2013; Углева, 2022, с. 145). «Забитая картинками и виртуальными реальностями, семантически дегенерировавшая» — так высказывается о массовой публике Ю. Хабермас (Хабермас, 2001, с. 293), добавляя к этому еще склонность к национализму и ксенофобии (Там же, с. 287), которые Кант не обсуждал в качестве угроз публичному применению разума⁸. Э. Эллис обращает внимание на то, что, несмотря на всю силу общности, аргументы в пользу справедливости торжествуют зачастую слишком поздно, когда трагические события уже произошли, будь то экологическая катастрофа, геноцид или нечто подобное. Достижение консенсуса в политическом процессе принятия решений в республиканской власти всегда имеет незавершенный характер (Ellis, 2008, p. 19, 23–53).

⁸ Подробнее о содержании и проблемах интерпретации кантовской концепции публичности см.: (Зильбер, 2016).

Public use of reason in the Kantian sense plays an important role in Rawls's theory. He claims that "the publicity condition is clearly implicit in Kant's doctrine of the categorical imperative" (Rawls, 1999, p. 115). The imperative dictates the search for rules of the kingdom of ends. Kant "thought of this kingdom as an ethical commonwealth, as it were, which has such moral principles for its public charter" (*ibid.*). Doubts have been expressed, however, as to how far the public space today can fulfil the functions Kant expected from it. For example, the information space is often seen as the element and instrument of manipulations directed at the people in the interests of the elite and at the elite on the part of a segment of the people, i.e. certain groups with specific interests (see: Castillio, 2013; Ugleva, 2022, p. 145). "Full of pictures and virtual realities, semantically degenerate"; this is how Habermas describes the mass public (Habermas, 1996, p. 300), adding the proclivity for nationalism and xenophobia (*ibid.*, p. 287), which Kant did not mention as threats to the public use of reason.⁸ Ellis points out that in spite of the strength of public opinion, arguments in favour of justice often triumph too late after tragic events have already happened, be it an ecological disaster, genocide or something similar. Achievement of consensus in the political process of decision-making under republican government is never complete (Ellis, 2008, pp. 19, 23-53).

Alexey G. Zhavoronkov notes that Rawls replaces Kant's idea of unsociable sociability with the concept of conflict of interests. It takes into account differences of views of various groups and forms of possible consensus, but does not envisage mechanisms for addressing the causes of conflicts. Achievement of a merely political

⁸ For more on the content and problems of interpretation of Kant's concept of publicity see Zilber (2016).

А. Г. Жаворонков обращает внимание на то, что Ролз заменяет кантовскую идею необщительной общительности концепцией конфликта интересов. В ней учитываются различия взглядов разных групп и формы возможного консенсуса, но не предусмотрены механизмы работы с причинами их возникновения. Достижение консенсуса в сфере не широко понятого социального, а только политического, по сути, служит обеспечению «стабильности системы, но не развития социальных структур. Иными словами, модель Ролза лучше подходит для функционирования системы в обычном режиме, но не для ситуаций кризиса традиционных понятий и ценностей, лежащих в ее основе» (Жаворонков, 2021, с. 122). Тем самым «Ролз фактически оказывается ближе к модели гражданской идентичности Руссо, а не к Канту», — отмечает Жаворонков, соглашаясь с мнением К. Делиджорджи (Там же, с. 123; Deligiorgi, 2005, p. 8).

Херта Нагль-Доцекаль полагает, что договорные подходы Ролза и Хабермаса, которые относят к «постметафизическим» концепциям морали, уже показали свою несостоятельность. Дело в том, что договорные соглашения нельзя рассматривать как надежное и главное средство формирования моральных установок и их изменения в ситуации моральных конфликтов. Соглашения могут с надежностью дать то, что Кант называет сообразностью с долгом без уважения к нему. Уважение, по мнению Нагль-Доцекаль, все же необходимо в «нашем обычном взгляде на мораль» (Нагль-Доцекаль, 2021, с. 161–162). Формирование уважения требует воспитания, приобщения к культуре добродетельного образа мыслей, которое возможно не столько в обсуждениях и «взаимном оправдании», а скорее в этической общности, дополняющей общность политическую (Там же, с. 181). Нагль-Доцекаль даже считает «этическое государство» кантианской целью истории (Там же, с. 168). Эпоха, в которой преобладает свет-

rather than a broad social consensus essentially contributes to the “stability of the system and not to the development of social structures”. In other words, Rawls’s model is better attuned to the functioning of a system in standard mode and not to situations when its underlying concepts and values are in a crisis” (Zhavoronkov, 2021, p. 122). Thereby “Rawls turns out to be closer to Rousseau’s model of civil identity than to Kant”, Zhavoronkov (2021, p. 123) writes, echoing the ideas of Katerina Deligiorgi (2005, p. 8).

Herta Nagl-Docekal claims that the contractual approaches of Rawls and Habermas, thought to be “post-metaphysical” concepts of morality, have proved to be untenable. Contractual relations cannot be a reliable and main method of forming moral attitudes and changing them in situations of moral conflict. Contracts can reliably deliver what Kant calls consistence with duty without respect for it. Respect, Nagl-Docekal (2021, pp. 161-162) insists, is necessary in “our ordinary way of looking at morality”. Respect is fostered through education, exposure to the culture of virtuous thinking which is possible not so much in discussions and “mutual justification” as in ethical community, complementing political community (*ibid.*, p. 181). Indeed, Nagl-Docekal believes “the ethical state” to be the Kantian goal of history (*ibid.*, p. 168). In an era when the secular world view is in the ascendant,⁹ the question of preventing the growth of the natural human proclivity for conflict assumes a different complexion, such that the Kantian concept of moral religion becomes a suitable instrument¹⁰ (*ibid.*,

⁹ And “hedonist consumerism prevails” (Nagl-Docekal, 2021, p. 183).

¹⁰ Rawls does not envisage ethical community because he disagrees with Kant on the question of the possibility of a universal moral theory. As Vadim Chaly has shown, Rawls interpretation of the categorical imperative in his theory of justice leaves its functions undetermined and uses only a hypothetical imperative. This is why Rawls’s attempt to “build a bridge between English liberalism and Kantianism [...] can hardly be called completed” (Chaly, 2013, p. 37).

ское мировоззрение⁹, по-новому ставит вопрос о предотвращении роста естественной конфликтности людей, и кантовская концепция моральной религии предстает здесь как подходящий инструмент¹⁰ (Там же, с. 175). При этом Нагль-Доцекаль в своих рассуждениях остается в целом, на мой взгляд, на тех же «левых» позициях, что Хабермас, хотя и критически оценивает потенциал его этики дискурса.

Этот краткий обзор позволяет заключить, что попытки адаптации кантовской концепции публичного применения разума к новым социальным теориям и к проблеме политической и межкультурной коммуникации выглядят многообещающе, но сохраняют проблематичность и встречают противоречивую оценку. Они не добавляют ничего нового к вопросу о соотношении философии Канта с философией баланса.

Заключение

По итогам исследования можно определенно утверждать, что авторы Доклада несправедливо относят Канта к основоположникам той философии, которая привела к современным глобальным проблемам, к состоянию нестабильности и разбалансированности в развитии глобальной человеческой цивилизации. Философия эпохи Просвещения и философия модерна довольно многообразны и сложны по содержанию. Суждения Канта свидетельствуют о том, что он охотно присоединился бы к авторам Доклада в критике утилитарных ценностей и издержек капитализма. Основы этики

⁹ И даже «господствует гедонистический консюмеризм» (Нагль-Доцекаль, 2021, с. 183).

¹⁰ Ролз не предусматривает этическую общность, поскольку расходится с Кантом в вопросе о возможности универсальной моральной теории. Как показывает В. А. Чалый, Ролз в своей теории справедливости при интерпретации категорического императива оставляет его функции неопределенными и задействует только гипотетический императив. Ввиду этого попытку Ролза «построить мост от англоязычного либерализма к кантианству... сложно назвать завершенной» (Чалый, 2013, с. 37).

р. 175). Even so, Nagl-Docekal, in my opinion, basically shares the “left” position with Habermas, while being critical of the potential of his ethic of discourse.

The above overview warrants the conclusion that attempts to adapt the Kantian concept of the public use of reason to new social theories and the problems of political and inter-cultural communication may look promising, but are still problematic and controversial. They do not add anything new to the question of the relationship between Kant’s philosophy and the philosophy of balance.

Conclusion

From the results of the study it is safe to say that the authors of the *Report* wrongly refer to Kant as one of the founders of the philosophy which has led to global problems, the state of instability and imbalance in the development of global human civilisation. Enlightenment philosophy and the philosophy of the modern period are diverse and complicated. Kant’s ideas suggest that he would readily have agreed with the *Report’s* critique of utilitarian values and the abuses of capitalism. The foundations of Kant’s ethics and political philosophy are entirely compatible with the *Report’s* philosophy of balance.

In Kant’s philosophy we find at least three aspects of the search for balance out of those mentioned in the *Report* which I have chosen for my study. First, the aspect of the spontaneous balance between the formation of culture and the realisation of personal interests in the idea of “unsociable sociability”. Second, justice in the concept of the republic, or “law-governed civil society” which, according to Kant, is called upon to establish a balance between freedom and coercion. Third, the aspect of the long-term perspective, the establishment of rules-based

и политической философии Канта вполне совместимы с предложенной в Докладе философией баланса.

В философии Канта представлены как минимум три аспекта поиска баланса из тех, что упомянуты в Докладе и что я выбрал для своего исследования. Во-первых, это аспект стихийного баланса между формированием культуры и реализацией личных интересов, выраженный в идее «необщительной общительности». Во-вторых, аспект справедливости в понятии республики, или «правового гражданского общества», которое, по Канту, призвано установить баланс между свободой и принуждением. И в-третьих, аспект долгосрочной перспективы — установления законосообразных мирных отношений между государствами и проведение реформ во внутренней политике. Такие отношения требуются в конечном счете для внутренней стабильности, устойчивости развития государств в долгосрочной перспективе. Проблема преодоления эгоизма, которая также обозначена в Докладе, затрагивается у Канта применительно как к правителям, так и к народу. Кантовская концепция просвещения как воспитания самостоятельного и последовательного мышления — не что иное, как концепция воспитания в народе способности видеть долгосрочную перспективу, о которой говорится в Докладе.

Можно сказать, что с точки зрения поиска баланса искусство политики у Канта состоит в том, чтобы сочетать стремление к благополучию государства и к установлению определенной скорости развития с соблюдением справедливости. Стремление к быстрому достижению индивидуального успеха, по Канту, должно и может уравниваться правовыми рамками и предписаниями долга, ориентированными на индивидуальную нравственную свободу и справедливые отношения между индивидами. Стабильное развитие государства философ увязывает с ориентацией на долгосрочную перспективу.

relations between states and internal policy reforms. Such relations are ultimately required for internal stability, i.e. the sustained development of states in the long-term perspective. The problem of overcoming egoism, which is also mentioned in the *Report*, is touched upon by Kant in relation to the rulers as well as the people. Kant's concept of enlightenment as education of independent and consistent thinking is precisely the concept of fostering people's ability to see the long-term perspective advocated in the *Report*.

It can be said that from the viewpoint of the search for balance, Kant's notion of statecraft consists in balancing the quest for the welfare of the state and speed of development with the requirement of justice. According to Kant, the desire to achieve quick individual success can and must be balanced by legal relations and the dictates of duty oriented toward individual moral freedom and just relations between individuals. Kant associates sustained development of the state with orientation toward the long-term perspective.

True, we cannot find in Kant solutions of the complex economic and political problems which emerged after him and which engage our minds today. Ecological matters that are so central to the *Report* were on the periphery of his practical philosophy. Addressing these themes in the Kantian way is a distinct challenge today. Kant interprets the resolution of political contradictions and recommends avoiding extremes at the level of general normative principles, while remaining in the mainstream of idealistic concepts of politics (in contrast to the political realists in the broad sense). The philosophical part of the *Report* deals not only with applied, but also with fundamental, philosophical principles, which draws the following comment from Vadim A. Chaly: "Contempo-

У Канта, правда, не найти решений для тех сложных экономических и политических проблем, которые проявились позже и получают осмысление в наше время. На периферии его практической философии осталась экологическая тематика, которую особенно выделяют в Докладе. Развертывание этой тематики по-кантиански является сегодня отдельной задачей. Кант осмысляет разрешение политических противоречий и рекомендует избегать крайностей на уровне общих нормативных принципов, оставаясь в русле идеалистических концепций политики (в противоположность политическим реалистам в широком смысле). Проблематика философской части Доклада затрагивает не только прикладные, но и фундаментальные философские принципы, в связи с чем В.А. Чалый отмечает, что «современные социальные, экологические и экономические проблемы имеют нравственные основания — именно моральная дикость человека является источником всех кризисов» (цит. по: Старцева, Сабанов, 2023, с. 144; ср.: Чалый, 2023).

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФ № 22-28-20165 «Модели социальности в неокантианстве русского зарубежья: синтез социологического номинализма и универсализма».

Список литературы

Бэксхёрст Д. Категорические моральные требования // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 1. С. 40–59. doi: 10.5922/0207-6918-2022-1-2.

Жаворонков А.Г. Социальные аспекты антропологии Канта и их влияние на социологию XX века: проблемы и примеры // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 187–197.

Жаворонков А.Г. Кант, Ролз и проблема публичного применения прагматического разума // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 114–125.

rary social, ecological and economic problems have moral origins; it is the human being's moral dereliction that is the source of all the crises" (quoted from: Startseva and Sabanov, 2023, p. 144; cf. Chaly, 2023).

Acknowledgements: This study was funded by the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-20165 "Models of Sociability in the neo-Kantianism of the Russian Diaspora: A Synthesis of Sociological Nominalism and Universalism".

References

Anscombe, E., 1958. Modern Moral Philosophy. *Philosophy. The Journal of the Royal Institute of Philosophy*, 33(124), pp. 1-19.

Bakhurst, D., 2022. Categorical Moral Requirements. *Kantian Journal*, 41(1), pp. 40-59. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-2>.

Castillio, M., 2013. The Policy of Cosmopolitanism: From Universalism to Pluralism. Translated by D.E. Fetisova. *Kantian Journal*, 2(44), pp. 19-32. (In Rus.)

Cavallar, G., 1992. *Pax Kantiana: systematisch-historische Untersuchung des Entwurfs „Zum ewigen Frieden“ (1795) von Immanuel Kant*. Wien: Böhlau.

Chaly, V.A., 2013. John Rawls' Interpretation of Categorical Imperative in "Theory of Justice". *Kantian Journal*, 2(44), pp. 33-38. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2013-2-3>. (In Rus.)

Chaly, V.A., 2023. Reclaiming the "Cultural Mandate": The Idea of Sustainable Development in the Kantian Perspective. *Kantian Journal*, 42(2), pp. 68-94. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-2-4>.

Deligiorgi, K., 2005. *Kant and the Culture of Enlightenment*. Albany: State University of New York Press.

Ellis, E., 2008. *Provisional Politics. Kantian Arguments in Policy Context*. New Haven & London: Yale University Press.

Garve, C., 1788. *Abhandlung über die Verbindung der Moral mit der Politik, oder einige Betrachtungen über die Frage, in wiefern es möglich sey, die Moral des Privatlebens bey der Regierung der Staaten zu beobachten*. Breslau: bey W.G. Korn.

Gauthier, D., 1985. *Moral by Agreement*. Oxford: Clarendon Press.

Зильбер А.С. Насколько трансцендентальны Кантов принципы публичного права? // Кантовский сборник. 2016. № 1 (55). С. 34–51. doi: 10.5922/0207-6918-2016-1-3.

Зильбер А.С. Нежелательная уступка: Кантова критика политической философии Х. Гарве // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 1. С. 58–76. doi: 10.5922/0207-6918-2020-1-3.

Зильбер А.С., Луговой С.В. Консервативный либерализм И. Канта в свете либерального консерватизма Э. Бёрка // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 3. С. 50–64. doi: 10.21146/2072-0726-2021-14-3-50-64.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994а. Т. 1. С. 79–123.

Кант И. К вечному миру // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994б. Т. 1. С. 353–477.

Кант И. О поговорке: Может быть, это верно в теории, но не годится для практики // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994в. Т. 1. С. 239–351.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994г. Т. 1. С. 125–148.

Кант И. Религия в пределах только разума // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 6. С. 5–222.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 3. М. : Московский философский фонд, 1997. С. 277–733.

Кант И. Спор факультетов. Калининград : Изд-во КГУ, 1999.

Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические начала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 2014. Т. 5, ч. 1.

Кастиллио М. Политика космополитизма: от универсализма к плюрализму / пер. с фр. Д.Е. Фетисовой // Кантовский сборник. 2013. № 2 (44). С. 19–32.

Нагель-Доцекаль Х. Почему «этическое государство» Канта может оказаться полезным в борьбе с современными социальными патологиями // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 4. С. 156–186. doi: 10.5922/0207-6918-2021-4-6.

Ренц У. Тень добродетели. Кант о неисповедимой глубине сердца // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 4. С. 11–42. doi: 10.5922/0207-6918-2021-4-2.

Ролз Дж. Теория справедливости. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

Habermas, J., 1996. Kants Idee des Ewigen Friedens – aus dem historischen Abstand von 200 Jahren. In: J. Habermas, 1996. *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 293-319.

Habermas, J., 2004. *Der gespaltene Westen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Kant, I., 1991. *On the Common Saying: this May Be True in Theory, But it Does not Apply in Practice*. In: I. Kant, 1991. *Political Writings*. Edited by H.S. Reiss. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 61-63.

Kant, I. 1999. *Metaphysical Elements of Justice*. Translated by J. Ladd. Indianapolis & Cambridge: Hackett.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Critique of Practical Reason*. Translated by W.S. Pluhar. Cambridge and Indianapolis: Hackett Publishing Company.

Kant, I., 2006a. *An Answer to the Question: What Is Enlightenment?* In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D.L. Colclasure. New Haven and London: Yale University Press, pp. 4-23.

Kant, I., 2006b. *Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Perspective*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D.L. Colclasure. New Haven and London: Yale University Press, pp. 3-16.

Kant, I., 2006c. *Toward Perpetual Peace: A Philosophical Sketch*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D.L. Colclasure. New Haven and London: Yale University Press, pp. 67-109.

Kant, I., 2006d. *The Contest of the Faculties, Part 2*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited by P. Kleingeld; translated by D.L. Colclasure. New Haven and London: Yale University Press, pp. 150-163.

Kant, I., 2009. *Religion within the Bounds of Bare Reason*. Translated by W.S. Pluhar. Indianapolis: Hackett.

Nagl-Docekal, H., 2021. Why Kant's "Ethical State" Might Prove Instrumental in Challenging Current Social Pathologies. *Kantian Journal*, 40(4), pp. 156-186. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-4-6>.

Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005.

Старцева А., Сабанов А.О. Иммануил Кант и «новое Просвещение». Обзор международной научной конференции // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 1. С. 132–145. doi: 10.5922/0207-6918-2023-1-7.

Углева А.В. Изломанные грани этического универсализма. Комментарий к книге «Универсальность в морали» // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 2. С. 122–147. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-5.

Хабермас Ю. Кантова идея вечного мира – из 200-летней исторической перспективы // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001. С. 277–332.

Хабермас Ю. Расколотый Запад. М. : Весь мир, 2008.

Чалый В.А. Интерпретация категорического императива Джоном Ролзом в «Теории справедливости» // Кантовский сборник. 2013. № 2 (44). С. 33–38. doi: 10.5922/0207-6918-2013-2-3.

Чалый В.А. Возвращая «культурный мандат»: Идея устойчивого развития в кантовской перспективе // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 2. С. 68–94. doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-4.

Штикер М. Кто мудрствует? Об одной нераспознанной проблеме для моральной психологии и этического метода Канта // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 1. С. 7–39. doi: 10.5922/0207-6918-2022-1-1.

Энском Э. Современная философия морали // Логос. 2008. № 1 (64). С. 70–91.

Cavallar G. Pax Kantiana: systematisch-historische Untersuchung des Entwurfs „Zum ewigen Frieden“ (1795) von Immanuel Kant. Wien : Böhlau, 1992.

Deligiorgi K. Kant and the Culture of Enlightenment. Albany : State University of New York Press, 2005.

Ellis E. Provisional Politics. Kantian Arguments in Policy Context. New Haven ; L. : Yale University Press, 2008.

Gauthier D. Moral by Agreement. Oxford : Clarendon Press, 1985.

Garve Ch. Abhandlung über die Verbindung der Moral mit der Politik, oder einige Betrachtungen über die Frage, in wiefern es möglich sey, die Moral des Privatlebens bey der Regierung der Staaten zu beobachten. Breslau : bey W.G. Korn, 1788.

Sticker M. Poverty, Exploitation, Mere Things and Mere Means // Ethical Theory and Moral Practice. 2021. № 26. P. 191–207. doi: 10.1007/s10677-021-10238-9.

Stolleis M. Staatsräson, Recht und Moral in philosophischen Texten des späten 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan : Hein, 1972.

Rawls, J., 1999. *A Theory of Justice. Revised Edition*. Harvard: Harvard University Press.

Renz, U., 2021. Der Schatten der Tugend. Kant über die unergründliche Tiefe des Herzens. *Kantian Journal*, 40(4), pp. 11–42. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-4-2>.

Solovyov, E.Yu. *Kategoricheskiy imperativ npravstvennosti i prava [Categorical Imperative of Morality and Law]*. Mocsow: Progress-Tradiciya, 2005.

Startseva, A. and Sabanov, A.O., 2021. Immanuel Kant and the “New Enlightenment”. International Conference Report. *Kantian Journal*, 42(1), pp. 132–145. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-1-7>.

Sticker, M., 2021. Poverty, Exploitation, Mere Things and Mere Means. *Ethical Theory and Moral Practice*, 26, pp. 191–207. <http://dx.doi.org/10.1007/s10677-021-10238-9>.

Sticker, M., 2022. Who Is Rationalising? On an Overlooked Problem for Kant’s Moral-Psychology and Method of Ethics. *Kantian Journal*, 41(1), pp. 7–39. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-1>.

Stolleis, M., 1972. *Staatsräson, Recht und Moral in philosophischen Texten des späten 18. Jahrhunderts*. Meisenheim am Glan: Hein.

Ugleva, A.V., 2022. Broken Facets of Ethical Universalism. Commentary on the Book *Universality in Morality*. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 122–147. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-5>.

Weizsäcker, E.U. von and Wijkman, A., 2018. *Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*. New York: Springer.

Zagirnyak, M., 2021. Sociability and education in Kant and Hessen. *Journal of Philosophy of Education*, 55(6), pp. 1112–1125. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-9752.12619>.

Zhavoronkov, A.G., 2019. Social Aspects of Kant’s Anthropology and Their Influence on the 20th Century Sociology: Problems and Cases. *Voprosy Filosofii*, 12, pp. 187–197 (In Rus.)

Zhavoronkov, A.G., 2021. Kant, Rawls and the Problem of Public Use of Pragmatic Reason. *Social Sciences and Contemporary World*, 2, pp. 114–125. (In Rus.)

Zilber, A.S., 2016. How Transcendental are Kant’s Principles of Public Law? *Kantian Journal*, 1(55), pp. 34–51. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2016-1-3>.

Weizsäcker E.U. von, Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. N.Y. : Springer, 2018.

Zagirnyak M. Sociability and education in Kant and Hessen // *Journal of Philosophy of Education*. 2021. Vol. 55, №6. P. 1112–1125. doi: 10.1111/1467-9752.12619.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: azilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

Для цитирования:

Зильбер А.С. Кант и новое просвещение: о балансе между долгом и утилитарными целями // *Кантовский сборник*. 2023. Т. 42, № 2. С. 40–67.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-3

© Зильбер А.С., 2023.

Zilber, A.S., 2020. Inadvisable Concession: Kant's Critique of the Political Philosophy of Christian Garve. *Kantian Journal*, 39(1), pp. 58-76. <http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2020-1-3>.

Zilber, A.S., Lugovoy, S.V., 2021. I. Kant's Conservative Liberalism from the Standpoint of E. Burke's Liberal Conservatism. *The Philosophy Journal*, 14(3), pp. 50-64. <http://dx.doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-50-64>. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Andrey S. Zilber, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: azilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

To cite this article:

Zilber, A.S., 2023. Kant and the New Enlightenment: On the Balance between Duty and Utilitarian Ends. *Kantian Journal*, 42(2), pp. 40-67.

<http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2023-2-3>

© Zilber A.S., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))